ЮРИЙ НАГИБИН

НАУКА ДАЛЬНИХ СТРАНСТВИЙ

SHOUT
SHARE
IT

- Юрий Маркович Нагибин

Юрий Маркович Нагибин
Животный мир Италии

Животный мир Италии богат. Прежде всего здесь очень много собак. Их любят. В нашей маленькой гостинице не было ни ресторана, ни кафе, и мы ходили завтракать в бар на углу улицы Кавура. Несколько столиков было вынесено на тротуар под цветные зонтики; отсюда хорошо открывалось всхолмие форума с базиликой Массенцио, и кормили тут недурно — за две милли можно получить завтрак туриста: омлет с ветчиной, булочку, кофе. Мы приходили в девятом часу, когда итальянцы выводят собак на прогулку. Через несколько дней мы уже знали всех местных псов. Очень мила была старая овчарка, хотя я не люблю эту породу. Связано это для меня с карателями в дни войны. Умная и преданная овчарка в том ничуть не повинна, так распорядился ее судьбой Великий Хозяин. Этот же старый пес на полусогнутых ногах и с обвислым брюхом, почти касающимся земли, был существом домашним, он никогда никого не выслеживал и не преследовал, не сторожил, не облаивал, чтобы привлечь погоню, не валил на землю и не рвал зубами. С огромным, неомраченным доверием к людям и всему сущему, он лишь в силу врожденной деликатности и тонкого воспитания не обнаруживал бурно распирающих его нежных чувств. Он приходил сюда в сопровождении дряхлого хозяина в поношенном, но безукоризненно отутюженном костюме и белой рубашке с крахмальным воротничком. У хозяина был голый смуглый череп в коричневых пятнах и крапчатая рука, он заказывал себе чашечку крепчайшего кофе, а псу — хлебец. Но до этого, только ступив на территорию бара, пес начинал со всеми раскланиваться, при каждом кивке еще ниже припадая к земле. Это напоминало придворные поклоны испанской знати. Он раскланивался с посетителями, с их собаками, не умевшими ему ответить и глупо лаявшими, с розовой кошкой владельца бара, с ней особенно любезно, потому что то была злая и несчастная кошка, она то и дело шипела и выгибала горбом шелудивую спину. Он кланялся даже голубям, ходившим враскачку меж столиков, нахальным воробьям, залетавшим под цветные зонты. Его приветливостью окрашивалось утро.

Появляясь здесь, он всегда заставал двух молодых бродячих дворняжек сорочьей расцветки, видимо близких родственниц — где у одной бело, у другой черно, и наоборот. Завидев овчарку, дворняжки ложились на спину, кверху нежным блохастым

брюхом, передние лапы поджаты, их жалобная поза читалась как непротивление злу насилием. Старая овчарка хмурилась от смущения и отвешивала каждой по любезнейшему поклону. Дворняжки вскакивали, благодарно повизгивая.

Был еще маленький пуделек, который все время служил. Сперва перед собственным хозяином, молодым толстым обжорой, затем, получив кусок сахара и твердо зная, что ничего больше не дождешься, у других столиков. Подачку он брал нежадно, но, верно, гордился своим умением сидеть столбиком. Был еще красный сеттер, приходивший с хозяином за газетой. Толстую, свернутую в трубочку утреннюю газету ему полагалось нести в зубах, но это было еще не главное его умение. Хозяин неизменно забывал у стойки бара зонтик. Пес деловито возвращался, опускал газету на пол, брал в пасть зонтик, осторожно и ловко подхватывал газету и трусил за хозяином.

Был мрачный жесткошерстный терьер со спутанной бороденкой, был огромный добродушный сенбернар, пускающий тягучую слюну с брыл, и была жемчужная тонконогая борзая, которая смеялась, обнажая верхние мелкие зубки.

Много было всяких собак, и была ужасная собака. В ней смешались разные крови: блютерьер дал заросшую морду, спаниель — расцветку и гусиные лапы, эрдель — курчавый чепрак. Из этой мешанины получилось милое существо, сейчас уже очень старое, потрепанное жизнью, но живое и доброе. Беда была в другом: под брюхом у нее колыхались большие черные тугие мешки — изуродованные болезнью, раком видать, сосцы. При ходьбе они раскачивались словно колокола. Бедняга не понимала своей непривлекательности и доверчиво сновала между столиками, ожидая подачки. Люди брезгливо отворачивались, иногда не глядя кидали какой-нибудь кусок. Она съедала его неторопливо и признательно и тянулась мордой к дарителю в надежде, что он ее погладит. Похоже, ей больше хотелось ласки, чем куска. На моих глазах она этого не дождалась. Правда, никто ее не гнал, не шпынял, не обидел словом. Но хозяин бара, рослый черноглазый молодец в спортивной куртке и туфлях «адидас», видел, что больное животное неаппетитно посетителям. Он подзывал собаку свистом, давал понюхать обрезок колбасы и кидал его за ограду заведения. Что-то странное и тягостное появлялось в собачьем взгляде. Неужели она догадывалась?.. В этом нет ничего невозможного: поведение окружающих, прежде таких приветливых, стало иным, когда она почувствовала неудобство и тяжесть от своих чудовищно разбухших сосков.

Но и это несчастное существо не было вовсе обделено лаской. Каждый день на угол тупичка возле траттории приходил старик

пенсионер со складным креслом и двумя нахлебниками: собакой и кошкой, которые в своем возрасте были еще старше его. Он устанавливал кресло, удобно усаживался и начинал созерцать окружающую жизнь.

Нахлебники заваливались спать у его ног, прижавшись друг к дружке спинами. Кошка спала беззвучно, собака повизгивала во сне, сучила лапами, наверное, ей снилось, что она гонится за кошкой.

У старика была странность: он всякий раз приносил с собой коробку с форсистыми оранжевыми полуботинками. Он доставал их, разглядывал, мял, нюхал, оглаживал чистые, не касавшиеся пола подметки, терся о них щекой и клал туфли назад в коробку. Когда же мимо проходили соседи и знакомые, а старика знал весь квартал, он снова доставал обновку и горделиво показывал. Я так и не узнал: купил ли он их, или получил в подарок, или сам стачал, или выиграл в лотерею. И навсегда осталось для меня тайной, что значили оранжевые полуботинки в символике мирового бытия.

К этому старику, покончив с колбасой, подходила больная собачонка. Нахлебники не чуяли ее во сне. Она ложилась по правую руку старика. Он что-то говорил ей, потом нагибался, отчего кровь приливала к его лбу и темени, как у святого Петра, распятого вниз головой, и начинал осторожно массировать ей сосцы большой и легкой рукой рабочего человека. Собака потягивалась, благодарно поскуливала, что-то отпускало ее внутри, и, лизнув старикову руку, она умиротворенно закрывала глаза седыми ресницами и засыпала. Старик распрямлялся, кровь медленно сплывала с лица. Он кричал хозяину бара, чтобы тот подал ему стакан пива.

Хорошо относятся в Италии к собакам, с уважением. Собак много, они гадят на улицах, но никто не делает из этого трагедии, не предлагает их уничтожить, ни даже ограничить место для выгуливания одним квадратным метром за помойкой. И лай их никому не мешает и лезущая в линьку шерсть. Собаки не мешают людям, и люди не мешают собакам. Похоже, помнят, что некогда вырвали из природы и приучили служить себе дикого, свободного зверя, воспитали в нем собачью преданность и тем самым обязали себя ответной заботой. На этом негласном сговоре все равно больше выигрывают люди, собаки и так совершенны, а люди научаются доброте…

Италия — голубиная страна. Голубей много во всех городах, но особенно в Риме, Венеции, Флоренции и Милане. Прошу прощения у Неаполя, возможно, он не уступает своим собратьям, но я попал туда в какой-то неголубиный день. И запомнились мне

крупные чайки. В Риме голуби — хозяева площади Навонна; треск голубиных крыльев не умолкает над площадью Дуомо во Флоренции, площадью Сан-Марко в Венеции; соборная площадь в Милане кишмя кишит голубями, случается, им отдавливают лапы зазевавшиеся прохожие. В голубиной толпе всегда есть хромцы, но потом лапка заживает, и голубь возвращается к обычной беспечности. Самые забалованные голуби — на Домской площади в Милане. Они не боятся ни людей, ни кошек, ни собак, никому не уступают дорогу и взлетают только для того, чтобы облепить голову и плечи туриста, ставшего перед аппаратом уличного фотографа. Они знают, что турист ради хороших снимков будет скармливать им отборное зерно, которое приобрел у того же фотографа. Огромный пассаж Виктора Эммануила, выходящий аркой на площадь, затянут частой сеткой от голубей, лишь внизу оставлен проход для посетителей. Если б не эта предосторожность, знаменитая галерея стала бы голубятней — от пола до потолка в клейком, несмываемом и несчищаемом помете. При всем том газеты не называют голубя «опасным другом», «разносчиком заразы», «птицей-антисанитаром», наталкивая нервный ум граждан на мысль, что уничтожение голубей оздоровит общество. Нет, тут твердо помнят, символом чего был и остался для человечества голубь.

Очень много голубей на площади Ла Скала. В центре площади — памятник Леонардо да Винчи. Мастер стоит на высоком постаменте, а ниже его по четырем углам разместились леонардески — преданные ученики, оказавшиеся в вечном плену у таинственной Леопардовой улыбки. Они так и не обрели собственной индивидуальности, хотя картины их можно встретить в лучших музеях мира: изысканный Джованни Антонио Бельтраффио с острой аристократической бородкой, простодушный Марко Д'Оджионне — каптенармус художнической артели, трагический Чезаре Да Сесто, мучительно томившийся своей зависимостью от Учителя, и самый талантливый — Андреа Соларио, едва не вырвавшийся из магического круга. Леонардо чуть наклонил в раздумье голову под знаменитым плоским беретом, борода струится по груди. Лицо сосредоточенно, пытливо и мягко-печально. В рослой фигуре — изящество и сила, чем и отличались искусство и личность художника. Хороший памятник. Я что ни день ходил к нему, и в конце концов мне открылось странное чудо. Огромный Виктор Эммануил на соседней Домской площади загажен голубями от копыт лошадей по треуголку, кажется, что он гипсовый, а не бронзовый. Иное дело — памятник Леонардо. Голуби делают различие между Мастером и учениками. Хотя высящаяся в центре монументальная

фигура Леонардо является самой привлекательной посадочной площадкой для голубей, редко-редко на плечи или голову Мастера опустится одинокий сизарь и тут же летит прочь, будто вспугнутый окриком… В то же время низенькие леонардески облеплены голубями и ссохшимися потеками их внимания. Я не вижу тут ничего мистического: когда чужой голубь или невоспитанный малолеток, незнакомый с правилами поведения, нарушает этикет, старожилы предупреждают — прочь, сюда нельзя, садись на Бельтраффио или Д'Оджионне, что тебе, места мало?.. Растения, как известно, отзываются на ласку и могут сами регулировать подачу влаги к своим корням и тепла к зеленому телу — такие опыты ставились неоднократно, так неужели же одушевленным существам, тысячелетия проявившим возле человека, не знать, кто такой Леонардо и как надо обходиться с величайшим гением Ренессанса?..

Когда мы приехали в Рим, то оказалось, что заказанный нами по телефону номер в маленькой неплохой гостинице освободится только завтра утром. Администратор, в меру смущенный накладкой, предложил отвести нас в соседний отельчик, где есть свободный номер, крайне спартанский, зато и очень дешевый. Мы, конечно, согласились, не ночевать же на развалинах форума. Багаж у нас забрали, утром его перенесут в наш законный номер, и мы отправились налегке, что было весьма кстати, поскольку лифта в захудалом отельчике не имелось. Поднявшись на пятый этаж по узкой деревянной винтовой лестнице, мы оказались прямо перед нашим номером, выше — чердак. Отомкнув дверь ключиком от обычного английского замка (как я люблю массивные гостиничные ключи, так блаженно заполняющие ладонь!), мы ступили в маленький голый номер с полутораспальной кроватью, одним-единственным стулом, тумбочкой и тяжеленной настольной лампой. Не было ни шкафа, ни вешалки, ни хотя бы гвоздя, чтобы повесить одежду. Не было и умывальника, зато имелась дамская фаянсовая ваза и ночная посудина из того же сверхтяжелого металла, что и лампа. Нам предоставили для ночевки убежище летучей любви. Жена раскрыла постель, белье было свежее, чистое, но все же мы решили спать не раздеваясь. Несколько подавленные, мы погасили свет и легли на грешное ложе, накрывшись нашими плащами. Жена сразу затихла, но я не мог понять, спит ли она или добросовестно притворяется в надежде, что ее притворство обернется настоящим сном. А потом я и сам ненадолго заснул и увидел короткий сон, связанный с Флоренцией, откуда мы приехали в Рим. Мелькнули Старый мост с золотыми рядами и ползущий по дну обмелевшей Арно экскаватор, и какой-то

желчныйй человек, дергаясь, говорил: «Вот увидите, он устроит новое наводнение!» Я был в Италии во время страшного флорентийского наполнения, унесшего бесценные сокровища живописи, и страшно затосковал от пророчеств желчного человека, даже заплакал и проснулся. Но проснулся как-то не совсем. Флоренция еще дотаивала во мне смутными, не обретающими формы видениями, и, словно сквозь туман или болотные испарения, я различал обиталище, в котором находился, хотя не умел его назвать, но это меня не пугало — я был защищен несомненным присутствием жены.

Странное полубодрствование озвучилось каким-то топотом. Я поднапрягся той частью своего существа, которое принадлежало яви, и топот стал яснее, определеннее. При этом я отчетливо сознавал, что в комнате никого, кроме нас, нет. Видимо, заоконные звуки создавали эффект присутствия незримого бегуна. А затем что-то шарахнуло меня по накрытым плащом ногам, и, резко вздрогнув, я окончательно стряхнул с себя сон, и увидел комнату в тусклом свете, процеживающемся из-за ставен, и довольно крупное животное, сидящее на полу. Оно то вытягивалось, то сокращалось. Когда вытягивалось, слышался царапающий звук. Глаза привыкли к полумраку, теперь я видел, как животное, цепляясь за мой пиджак, висевший на спинке стула, становится столбиком. В нем было не меньше полуметра. Я перебрал в уме разных животных от ласки до бобра, по размерам подходила выдра.

— Выдра! — сказал я вслух.

— Что с тобой? — послышался тихий, напряженный голос жены. — Это крыса. Прогони ее.

Я смертельно боюсь крыс. Меня пятилетнего напугала крыса, впрыгнувшая в мою кровать с сеткой, когда я болел корью.

— Кыш! — сказал я неубедительным голосом. — Пошла вон!

Крыса прислушалась замерев. Потом опять зацарапала когтями но моему пиджаку и вытянулась на задних лапках. Я увидел ее чудовищную тень, достигающую потолка. Нагнувшись, я нашел ботинок, швырнул в крысу и по обыкновению попал. Крыса зыркнула клюквенным глазом, взяла ботинок в зубы и затопала в угол комнаты. Я заорал, схватил тяжелую лампу и швырнул в крысу. Она исчезла, а ботинок остался…

Проснувшись утром в отменном итальянском настроении, я потянулся и задел рукой свинцовую лампу. Мне вспомнилась ночная баталия, и я подивился реальности своего сна. Мне захотелось рассказать об этом жене, но ее не оказалось рядом. Оглянувшись, я увидел, что она сидит на стуле у окна, тоскливо вперившись в узкую щель меж ставен.

— Проснулся наконец? Идем скорее отсюда. Я чуть не наступила на эту гадость.

Я проследил за ее взглядом: в углу комнаты, там, где порванные обои обнажали черную дыру, лежала громадная дохлая крыса. Я никогда не видел таких больших крыс…

Италия поражена крысами. По статистике, их не менее миллиарда. Это так называемые серые крысы, самые крупные, сильные и свирепые из всех помоечных крыс. Они пришли в Италию из Индии в средние века, частью уничтожив, частью загнав на чердаки исконных обитательниц Апеннинского полуострова — не столь больших и агрессивных черных крыс. Серые крысы — настоящее бедствие страны. Они нападают на маленьких детей, на беспомощных стариков и паралитиков, разносят заразу, сжирают несметное количество зерна и всяких продуктов.

Бороться с крысой, уверяют виднейшие итальянские ученые-крысоведы, почти невозможно. Немногочисленные по сравнению с крысиной несметью кошки боятся крыс, все виды крысоловок бессильны, отрава недейственна, крысу нельзя утопить, она может сколько угодно держаться под водой. Крыса так долго живет возле человека, что досконально изучила все его жалкие уловки, обрела великую человеческую приспособляемость, пластичность и выживаемость, ей не страшны ни морозы, ни жара, она всеядна и неприхотлива. Она обогнала своего учителя. И если мы хотим знать, чего можем достигнуть в ближайшее историческое время в результате напряженного самоусовершенствования, нам следует внимательно приглядеться к крысам.

Но я не разделяю пессимизма итальянских ученых. Население страны приближается к пятидесяти миллионам. Отбросим стариков, детей, больных, инвалидов, останется двадцать миллионов боеспособного населения. Двадцать миллионов тяжелых настольных ламп — это по силам итальянской промышленности; каждому крысобою придется сделать всего пятьдесят бросков. И с серой опасностью будет покончено. Если же этого не сделать, страна будет перемолота резцами серых обитателей помоек и подвалов…

А еще в Италии водятся серны, дикие кошки, зайцы, белки, хорьки, многочисленные птицы и пресмыкающиеся, а также рыбы, имеющие промысловое значение. Но я пишу лишь о том, что видел собственными глазами.